

УДК: 323.2

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ЛИЧНОСТЬ

Баранов В.Е.

Автор различает три уровня человеческого бытия: а) индивидуально-бессубъектное; б) индивидуально-субъектное, или индивидуалистическое; в) универсально-субъектное, или личностное. Статья показывает, что современное гражданское общество воспроизводит и использует преимущественно второй, индивидуалистический модус человеческого бытия и что массовое личностное бытие людей станет возможным только в будущей эпохе «обобществившегося человечества».

Ключевые слова: личность, личностное бытие человека, гражданское общество, обобществившееся человечество.

Объектом исследования выступает исторический контекст системы социальных отношений, формирующих гражданское общество. **Цель** исследования – выявить соотношение между личностным и социальным проявлениями человеческого бытия.

Гражданское общество как специфическая область социальных отношений исторически порождается запросами функционирования возникающей капиталистической частной собственности. Эта система отношений преодолевает феодальное поглощение человека социумом и формирует человека, освобожденного для себя самого, человека индивидуалистического, свободно строящего свое собственное бытие. Состояние общества, когда в нем свободно возникают и функционируют самоорганизующиеся, не контролируемые государством подсистемы, подчас представляется как вершинное, последнее в истории человечества. Свободный человек, свободное («открытое») общество — что может быть лучше? Однако, в действительности ли индивидуалистический модус человеческого бытия заключает в себе наивысшую ценность? Разве у человека, по самой его природе, нет стремления к бытию универсальному, превышающему горизонт ценностей «гражданского общества», то есть ценностей индивидуалистического самоутверждения, успеха и потребительства?

Общепринятым сегодня является представление о гражданском обществе как о сфере общественных (социальных, экономических, духовных, правовых и др.) отношений, не контролируемых государством, как о широкой внеполитической сфере жизни общества. Гражданское общество представляется как целостная совокупность неполитических духовных и экономических отношений, как бласть спонтанной самореализации людей, защищенная соответствующими правовыми нормами от любых проявлений произвольной односторонней регламентации их деятельности со стороны государства и его органов. Подчеркивается, что гражданское общество возникает, прежде всего, на экономической основе. В развитом демократическом обществе подавляющая часть населения — частные

собственники, они погружены в напряженные рыночно-конкурентные отношения. Противостоять законам рынка в одиночку трудно, поэтому собственники создают союзы предпринимателей, банкиров, фермеров с тем, чтобы влиять на государственные структуры — правительство, парламенты и др.

Современные авторы часто обращаются к личностной, экзистенциальной составляющей гражданского общества. Оно возникает по запросу личностного развития человека и личностными качествами человека опосредствуется. «Гражданское общество, — пишет академик РАЕН А.Н. Аринин, — понятие не юридическое или политическое, а духовное и энергичное. Это проявление социальной энергии человека, его внутреннего категорического самоимператива, его возбужденной воли». «Гражданское общество — категория не абстрактная, а экзистенциальная. Она означает всего лишь специфический образ воли людей к жизни, их стремление к самоорганизации ради обеспечения жизни своей и своего потомства» [2]. А.С. Алексанян подытоживает, что речь идет об одной из наивысших ступеней развития общества, построенной на основе «самоуправляющихся общественных институтов и отношений, которые, функционируя наряду с другими элементами общественной системы, обеспечивают приоритетное место человеку (со своими правами, свободами и обязанностями)» [1, с. 62].

Однако далеко не все авторы высказывают столь безоговорочный оптимизм в отношении «простора» для реализации человеком своего личностного потенциала в условиях гражданского общества. Существует традиция его критики, идущая от старых времен до наших дней. Уже у первых идеологов существовало представление о необходимости превалирующей роли государства по отношению к гражданскому обществу и «личности». И Т. Гоббс, и Ш. Монтескье писали о том, что чистого гражданского общества быть не может и что государство не противопоставлено людям, а создается ими самими для защиты их собственных интересов. Государство не внешне по отношению к гражданскому обществу и человеку, а находится внутри, является их частью, оставаясь в то же время вне и управляя ими.

Более определенно эту диалектику представил Г. Гегель. Поскольку, писал он, гражданское общество — это сфера реализации частных целей и интересов, между их носителями неизбежно возникают противоречия. В результате «гражданское общество представляет собой зрелище как излишества, так и нищеты и общего обоим физического и нравственного упадка» [6, с. 230]. Кроме того, в этом обществе нет подлинной свободы. Если свобода исходит из воли единичного субъекта, она еще не достигает своего понятия. Такая свобода, по сути — произвол, зависящий от случайностей. Идея свободы истинна лишь на уровне государства. Государство универсально, оно есть общее, понятое конкретно. В таком случае даже особенная воля государства — это воля универсальная и всеобщая. Поэтому разумное предназначение человека — жить в государстве [6, с. 228].

Доктрина гражданского общества зиждется на убежденности в абсолютности, даже святости частной собственности. Тем не менее, частная собственность как социальная ценность вызывает возражения у мыслителей еще со времен Платона и проходит через всю историю культуры вплоть до К. Маркса и анархистов.

Порождаемая частной собственностью рыночная экономика тоже не свет в окошке для человечества. Само ее основание — закон стоимости — подвергается серьезным возражениям не только в трудах классиков политической экономии, но, например, и в практике, пусть незрелого, неумело организованного социализма в нашей стране и в других странах. А в теоретическом плане сегодня в трудах петербургских профессоров В.Я. Ельмеева, М.В. Попова, В.Н. Воловича и других разрабатываются принципиальные основы нерыночного, нетоварного производства, действующего не на основе закона стоимости, а на основе закона потребительной стоимости [10].

Критика гражданского общества подчеркивает и тот факт, что оно устремлено прочь от метафизики человеческого бытия. Принципиальный индивидуализм этого общества — это бытие только здесь-и-сейчас. Никакой вертикали, никаких абсолютов. Всё, что сверх непосредственных индивидуальных интересов, достойно вытеснения из кругозора человека. Политику пусть делают политики, а мы будем довольствоваться предоставляемыми нам возможностями делать свой бизнес. Из человеческого бытия изымается важнейшая его часть — политическое самоуправление.

Но широта субъектности человека, сама его личностность — великие, фундаментальные ценности. И тогда трактовка этих ценностей приобретает ложные, превращенные формы: частный, частичный вариант человеческого бытия *представляется как бытие личностное*. Замечательно сказал об этом католический персоналист Ж. Маритен: «Современный мир просто путает две вещи, различавшиеся древней мудростью: путает индивидуальность с личностью» [9, с. 181]. Кроме того, гражданское общество не уживается с такими новейшими тенденциями в экономике, как информационные технологии, техническое и научное творчество, обслуживающий труд, предприятия с коллективной формой собственности, которые в совокупности составляют подступы к явлению, имя которому всеобщий труд. Такой труд как социальное явление впервые обнаружил и дал ему определение К. Маркс. Он считал, что всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение, которое обуславливается частью корпорацией современников, частью использованием труда предшественников. Обратимся далее к описанию этого труда у В.С. Библера: «Всеобщий труд есть полное, в пределах всего общества реализуемое воплощение труда совместного, его предел и идеализация». Во всеобщем труде реализуется весь потенциал культуры общества, освоенный конкретным тружеником. В процессе всеобщего труда развивается «кооперация способностей не столько функциональная, под «одной крышей», сколько в историческом времени, между людьми разных эпох и современниками, живущими и работающими раздельно, но соединенными книгой, беседой, диалогом — культурой» [3, с. 160-162].

Такой творческий, универсально-субъектный, преимущественно направленный на развитие самой личности работника труд объективно всё менее уживается с рыночно-гражданскими отношениями, с капиталистической эксплуатацией: простые оценки труда в соответствии с законом стоимости здесь буксуют. Реальная рыночная стоимость рабочей силы «всеобщих» работников несоизмеримо мала по сравнению с ценностями, создаваемыми их трудом. Всеобщее в этом сообществе пожирается частным, всеобщему становится всё теснее в удушающих рамках

частного интереса. Всеобщий труд буквально взрывает тесный мир гражданского общества. Гражданское общество — это «социум мануфактуры» (В.С. Библер), а неизбежно возникающий в его недрах всеобщий труд — провозвестник грядущих общекультурно организованных формаций общества. Во всеобщем труде дух человеческий с неизбежностью воспаряет над эмпирией и практикой своей включенности в только производство вещей. Эти воспарения и есть соединение человека со всеобщим человеческим духом, это воспроизводство человека универсального, субъективно ощущающего себя представителем и точкой роста общества и человечества, то есть человека, чувствующего себя самим обществом и человечеством. Единичное в таком случае охватывает собой общее; общее растворяется в единичном. И эта диалектика и есть личностное сосотояние человека, его личностное бытие.

В нашей стране сегодня критика гражданского общества практически не ведется. Но на Западе анализ проблем и перспектив этого общества распространен достаточно широко. Отмечается, что в современном рыночно-буржуазном мире идеалы благоденствия человека достаточно далеки от осуществления. Даже более того, здраво и честно мыслящие авторы отмечают достаточно плачевное, мучительное существование человека в современном рыночно-гражданском мире. «Безработица и бедность, — пишет А. Турен, — распространяются со скоростью инфекции», человек теряет почву под ногами, раздвоен, разорван, теряет свою субъектность, обречен на пребывание в раздирающих его мирах с одной стороны — государственного манипулирования, а с другой — христианской умиротворяющей морали. В результате человек «становится либо потребителем, либо верующим» [11, с. 478].

Другой автор, Ж. Бодрийар, находит, что нынешний буржуазный мир наполнен мифами о благоденствии, всеобщем равенстве, демократии, миротворческой миссии развитых стран и т.д. Эти мифы превращаются в «симулякры», которые переполняют сознание рядового человека, деморализуют его, снижают уровень его критичности и социальной самодеятельности. «Реализм социальных симулякров становится фактором тоталитарного господства» вызывает у рядового человека обратную реакцию «воинствующего номинализма» [4, с. 26]. Преодолеть этот «номинализм», по мнению Бодрийара, можно только посредством создания новых, «человечески-авторских», или «истинных» мифов. Речь идет, таким образом, не о преодолении «гражданского общества», а только об исправлении его недостатков, о его совершенствовании.

За «новое гражданское общество» ратует и известный американский системный социолог, теоретик информационного общества М. Кастельс. В современную информационную эпоху, пишет он, наблюдается кризис легитимности всех институтов традиционного гражданского общества. Не выполняет ожидаемых функций и «государство всеобщего благоденствия». Кастельс пишет: «Институты и организации гражданского общества... превратились в пустые скорлупки, всё менее соотносящиеся с жизнью людей» [7, с. 296]. Сложившееся положение дел легко передать метафорой неудачного брака: «В конце тысячелетия голыми оказались и король, и королева, и государство, и гражданское общество, а их гражданские дети разбросаны ныне по различным приютам» [7, с. 296].

Этот «кризис государства и гражданского общества» смогут преодолеть только «самобытные сообщества», «сообщества новой самобытности: экологические, феминистские, гомосексуалистские», религиозно-фундаменталистские, местные территориальные и т. п. Эти сообщества «защищают свое пространство, свое место от безродной логики производства потоков... они используют информационную технологию для горизонтальной коммуникации между людьми, для проповедования ценностей сообщества, отрицая новое идолопоклонство перед технологией и оберегая непреходящие ценности от разрушительной логики самодовлеющих компьютерных сетей» [7, с. 302].

Мы видим в этой утопии примерно то же, что и у Бодрийара: преодолеем индивидуализм гражданского общества еще большим индивидуализмом: растворим его индивидуалистический конвенционализм бесконвенциональным плюрализмом абсолютно независимых сообществ. И не только сообществ, но и отдельных «личностей». «Вот почему, - поясняет Кастельс, - столь важна и, в конечном счете, столь могущественна самобытность личности в этой постоянно меняющейся структуре власти: на основе своего опыта она формирует интересы, ценности и планы, отказываясь уходить в небытие и устанавливая свои связи с природой, географией и культурой» [7, с. 304]. Человеческий индивидуализм здесь не только не устранен, но даже нисколько не поколеблен. И даже наоборот, он по-прежнему остался основой возникновения и «сообществ», и «власти». Но чем же тогда «новое общество» отличается от традиционного «гражданского»?

Подобные же идеи находим мы и в работах И. Валлерстайна. Он так же резко критикует нынешнее капиталистическое мироустройство. «Капитализм начал угрожать самой возможности выживания человечества» [5, с. 114]. Соответственно деградирует и традиционная внутренняя опора капитализма — гражданское общество. Валлерстайн ищет в обществе эмпирические факты противостояния отдельных людей и их стихийных локальных объединений всевластию социальных сверхструктур. Нужно рассыпать общество на независимых и самодостаточных индивидуумов, которые благодаря самому этому процессу станут личностями. Мы не подданные единого центра, мы просто люди сами для себя. Необходимо строить новую миросистему «без идеи гражданства» [5, с. 160].

Протест против нынешней системы капитализма и гражданского общества высказывают М. Хардт и А. Негри, авторы книги «Множество. Война и демократия в эпоху империи». Подобно И. Валлерстайну, эти авторы начинают с утверждения идеи пагубности для человечества капиталистической социально-экономической системы, затем отыскивают в реальностях современности ростки протеста этой системе и предлагают свои пути борьбы за лучшее будущее. На смену губительному капитализму с его гражданским обществом должно, по их мнению, прийти некое «множество» социальных индивидов, каждый из которых самостоятельно и свободно был бы устремлен к целому. В этой ситуации категория народа, по их мнению, слишком тоталитарна. Образующие «множество» разнообразные личности «противостоят недифференцированному единству народа» [12, с. 129-130]. Будущее принадлежит только свободной от диктата системе «личностей».

Внешне, опять же, всё это звучит привлекательно. Но все равно эта позиция остается эклектичной и несущей в себе разделение единого процесса жизни

общества на взаимодействующие и внутренне самостийные стороны, интересы которых, как говорят авторы, «амбиполярны». У общества — своя сущность и свои цели — выживание как целого, а у индивидов — своя сущность и своя, частно-индивидуалистическая стихия существования. Амбивалентность! Каждое нуждается в другом — но только для своей собственной «адаптации», то есть выживания. Диалектики тождества противоположностей, слияния единичного и общего, даже не слияния, а исходной слитности, неразделимости, такой тождественности, когда невозможно различить — общество это или его индивид, потому что общество — индивидно, а индивид — общественен, когда общество и индивиды не *взаимодействуют* как сколько-нибудь различные сущности и тем более как противоположности или некие «самости», а представляют собой неразличимое единство — такой диалектики здесь нет. В результате и гуманизма — как теоретической и мировоззренческой основы «справедливого общества» — здесь тоже не получается. Всё возвращается на круги индивидуализма и «амбивалентного» взаимодействия. Без диалектики вырваться из удушающих объятий «гражданского общества» невозможно.

Вырывается из них только В.И. Ленин. После падения самодержавия в России по существу установилось «царство» гражданского общества — гарантированная буржуазной революцией свобода слова, организаций, собраний и действий всех политических партий, а главное — свобода частного бизнеса, союзов, договоров и сговоров частных собственников, преследующих свои частные либо корпоративные интересы. Шла война, требовавшая от страны, от ее правительства концентрации средств и административных усилий по организации жизни в стране. Гражданское сообщество свободных от государства частных собственников катастрофически саботировало любые жизненно важные для страны действия правительства, да и само это Правительство, руководимое эсерами во главе с Керенским, по существу потворствовало этой гибели страны в метастазах вольницы «гражданского общества». Положение примерно такое, какое мы наблюдали у нас в 90-е годы XX века.

Тогда, летом 1917 года, против «грозящей катастрофы» гибели страны выступила только одна последовательно небуржуазная партия большевиков. От имени *интересов социума* эта партия требовала проведения мероприятий, противоположных «ценностям» гражданского общества: национализации вдруг неизмеримо расплодившихся частных банков и неподконтрольных государству промышленных объединений, отмены коммерческой тайны, принудительного объединения промышленников в контролируемые государством союзы (синдикаты), государственного регулирования потребления в стране и других мер. Но ведь это — «социализм»! И Ленин открыто заявлял, что, действительно, в данных условиях движение общества может быть только в сторону социализма: капитализм и гражданское общество — со всей очевидностью ведут к гибели страны, ее государства и ее народа [8]. Это — общенациональные требования, субъектами которых являются трудящиеся, весь народ, ориентированный на жизнь в «этой» стране, а не на вывоз себя вместе со «своими» капиталами в другие страны.

О субъектности трудового народа и организации им общества Ленин ведет речь в работе «Государство и революция». Отменив частную собственность, лишив все слои общества этой «вечной и неприкосновенной ценности», социализм не только

не уничтожает субъектность, личностность человека, но наоборот, сразу возвышает эти качества до универсальности и массовости: каждый человек, а не только «счастливики» из 10-15 процентов обладателей капиталистической частной собственности, становится реальным участником общенациональных и общечеловеческих связей и решений. Каждая кухарка в буквальном смысле этого слова становится участником и субъектом универсальных социальных процессов. Тому подтверждением является опыт не только Парижской Коммуны, но и восстаний российских трудящихся в 1905 году, всех движений социальных низов, начиная с протестов джайнистов, пифагорейцев, спартаковцев, ранних христиан до объявивших коллективной собственностью фонды своего предприятия работников Выборгского целлюлозно-бумажного комбината в 1999 году. Ленинская «кухарка» находится на несоизмеримо более высоком уровне личностного развития, чем отчужденный от собственности рабочий и, тем более, чем обладающий ею капиталистический частный собственник. Ее человеческое бытие выходит за рамки ее индивидуности, становится реально универсальным и потому подлинно свободным и открытым для всех человеческих знаний, чувств и страстей, оно становится личностным, только такой человек является личностью.

Вывод. У «гражданского общества» нет человеческого, личностного будущего, как нет у человека границы в каком бы то ни было конечном социальном мироустройстве. Закономерность человеческой универсализации неумолима, и она ведет человечество к личности каждого человека, к личностному бытию людей как массовому общественному явлению. Гражданское общество — это не венец и не конец истории, после него нас еще ждет эпоха, эра «обобществившегося человечества» (К. Маркс). К нынешнему времени человечество выстрадало эту новую великую антропологическую революцию, и последствия ее будут сравнимы с последствиями революций неолитической и цивилизационной. Человечество или погибнет, или совершит эту революцию, находя в ней способ своего исторического возвышения. Как говорил французский персоналист Ш. Пеги: «Будущая революция будет или личностной, или ее не будет вовсе».

Список литературы

1. Алексанян А.С. К вопросу об определении понятия «гражданское общество» [Текст] / А. С. Алексанян // Вопросы философии. - 2006. №12. - С. 60 - 69.
2. Аринин А.Н. Зрелость гражданского общества [Электронный ресурс] / А. Н. Аринин // Режим доступа: Nashgazeta.narod.ru/Nomera/0200/11111111.htm.
3. Библер В.С. От наукоучения к логике культуры. Два философских введения в двадцать первый век [Текст] / В.С. Библер - М.: ИПЛ, 1991. - 413 с.
4. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть [Текст] / Ж. Бодрийар - М.: Добросвет, 2000. - 314 с.
5. Валлерстайн И. Конец привычного мира. Социология XXI века [Текст] / И. Валлерстайн - М.: Логос, 2003. - 368 с.
6. Гегель Г. Философия права [Текст] / Г. Гегель. - М., 1990. - 321 с.
7. Кастельс М. Могущество самобытности [Текст] / М. Кастельс // Новая постиндустриальная волна на Западе. - М.: Academia, 1999. - С. 296-306.
8. Ленин В.И. Грозящая катастрофа и как с ней бороться. [Текст] / В.И. Ленин - Полн. собр. Соч. в 55 тт. - Т. 34. М.: Изд-во политич. Литературы, 1974. - С. 151 - 199.
9. Маритен Ж. Три реформатора [Текст] / Ж. Маритен // Избранное. - М.: РОССПЭН, 2004. - 271с.
10. От закона стоимости к закону потребительной стоимости [Текст] — Спб.: Изд-во Фонда

Рабочей академии, 2003. — 272 с.

11. Турен, А. Способны ли мы жить вместе [Текст] / А. Турен // Новая постиндустриальная волна на Западе. - М.: Academia, 1999. - С. 471-488.
12. Хардт М., Негри А. Множество. Война и демократия в эпоху империи [Текст] / М. Хардт, А. Негри. - М.: Культурная революция, 2006. - 376 с.

Баранов В.Е. Громадянське суспільство та особа // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. – 2011. – Т. 24 (63). – №3-4. – С. 257-264.

Автор розрізняє три рівня людського буття: а) безсуб'єктне, чи доіндивідуалістичне; б) індивідуально-суб'єктне, чи індивідуалістичне; в) універсально-суб'єктне, чи особисте. У статті вказується, що сучасне громадянське суспільство породжує та використовує насамперед другий, індивідуалістичний модус людського буття; особисте буття як масове явище суспільства стане можливим лише в майбутньому віку «усуспільненого людства».

Ключові слова: особа, особисте буття людини, громадянське суспільство, усуспільнене людство.

Baranov V.E. Civil society and personality // Scientific Notes of Taurida National V.I. Vernadsky University. Series: Philosophy. Culturology. Political sciences. Sociology. – 2011. – Vol.24 (63). – № 3-4. – P. 257-264.

The author distinguish between three levels of human being: a) when man is not a subject; b) when man is subject only himself; c) when he is a universal subject. The article demonstrated that contemporary civil society reproduced only a second mode of human being; personal being as mass social phenomenon will be characteristic for future epoch of “socialized humanity”

Key words: Personality, Personality being, Civil society, Socialized humanity.

Статья поступила в редакцию 10.09.2011.